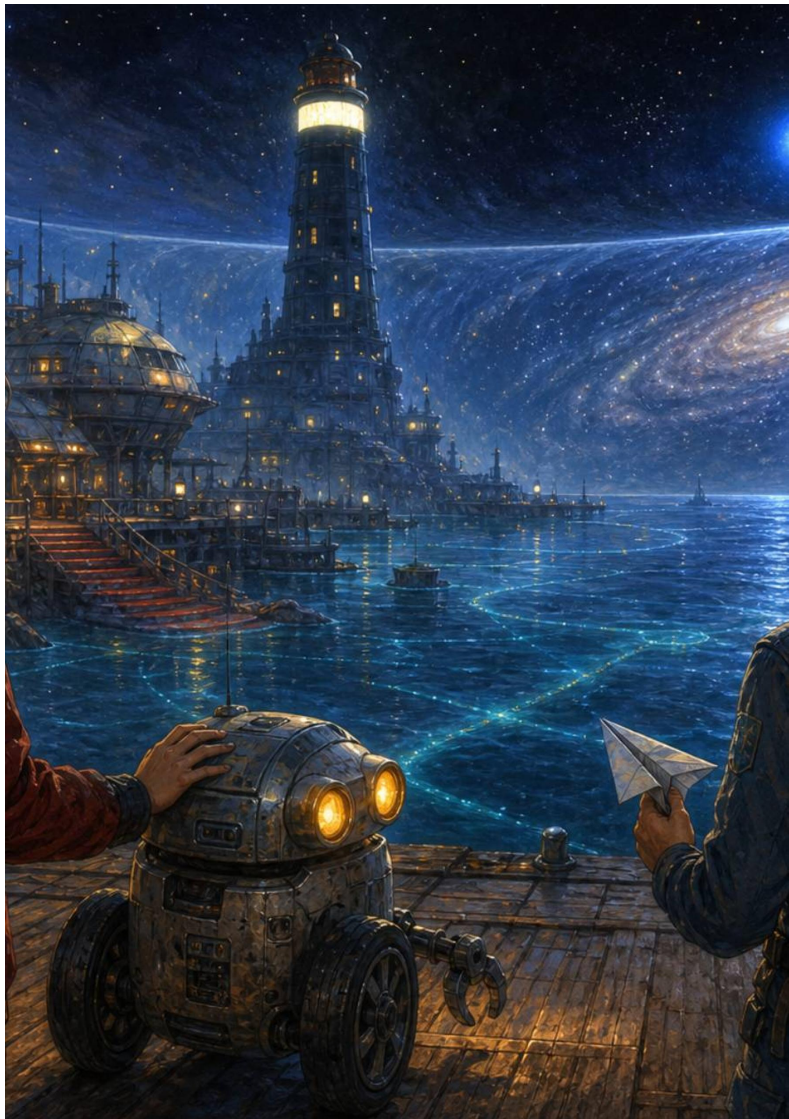

Алексей Буцев

Маяк потерянных возвращений часть 1

<https://litres.ru/74416852>

SelfPub; 2026

Аннотация

После путешествия к красной звезде Лера и Миша мечтают об обычной жизни. Но однажды приходит послание с корабля, который ещё не построен. Человек на записи похож на взрослого Мишу — и просит оставить Светлячка дома.

Вскоре робот начинает вспоминать море, которого никогда не видел. Поиски ответов приводят друзей к Маяку потерянных возвращений — загадочной гавани среди межгалактической пустоты. Здесь встречаются корабли из разных времён, за возможность дождаться близких платят воспоминаниями о доме, а младшая сестра может оказаться старше брата.

Чтобы вернуться, героям предстоит встретиться с теми, кем они могли бы стать, раскрыть тайну Маяка и понять, как отличить собственный дом от его безупречной копии. Но что делать, если дорога к спасению начинается там, где исчезла другая Лера?

Содержание

Глава 1. Письмо с чужого лета	4
Глава 2. Вода без берега	14
Глава 3. Корабль, которого нет	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Буцев

Маяк потерянных возвращений часть 1

Глава 1. Письмо с чужого лета

В тот день Миша собирался починить дождь.

Дождь был учебный: его включали в оранжерее Школы хранителей, чтобы показывать, как вода возвращается из листьев в воздух, а потом снова становится водой. Но уже третью неделю над папоротниками висело одно и то же облачко. Оно с добросовестностью неисправного прибора поливало пустой горшок.

Лера нашла брата под потолком. Он лежал животом на ремонтном мостике, свесив одну ногу между перекладинами. Пончик освещал ему работу жёлтым брюхом. На полу стоял таз.

— У тебя через восемь минут выступление, — сказала Лера.

— Знаю.

— Ты обещал рассказать про Аврору.

— Про Аврору они уже слышали. А здесь растение засыхает.

Лера посмотрела на горшок.

— Там ничего нет.

— Именно.

Сверху упал винт. Светлячок, стоявший у двери, поймал его захватом прежде, чем винт долетел до пола. За последний год роботу заменили привод, обе передние фары и большую часть корпуса. Правая боковая панель по-прежнему была чуть темнее левой: Миша настоял, чтобы её не красили. Вмятина на ней осталась после шторма Рубры.

— Восемь минут позволяют снять распределитель, — сообщил Светлячок. — Установить обратно — нет.

— Значит, рассказ будет короткий.

В соседнем зале уже собирались люди. По стеклу оранжереи скользили увеличенные тени: школьники, журналисты, двое сотрудников лунного центра, женщина с ребёнком на руках. В расписании значилось: «Встреча с участниками первого контакта. Лера и Михаил». Брата каждый раз называли Михаилом, и каждый раз он спрашивал, нельзя ли пригласить вместо него этого серьёзного человека.

Сама Лера к встречам привыкла. Она научилась отвечать на вопрос о страхе, не рассказывая о ночах, когда ей снилось белое небо Авроры. Научилась объяснять, что Эл живёт теперь в другом городе, работает с переводчиками и вовсе не обязана приходить туда, куда приходит Лера. И всё ещё не научилась смотреть в объектив, когда кто-нибудь говорил: «Вы же понимаете, какой пример подаёте».

Мише было четырнадцать. Иногда ей казалось, что после путешествия он стал старше сразу на десять лет. Иногда — что наоборот: упрямо решил ничего больше не понимать.

— Я могу выступить одна, — сказала она.

— Вот и хорошо.

Это прозвучало так быстро, что Лера обиделась прежде, чем успела подумать.

— Ты мог бы сказать заранее.

Миша поднял голову. На щеке у него был чёрный след от уплотнителя.

— Я говорил. Во вторник.

Лера вспомнила вторник: дорогу из лаборатории, три входящих звонка, брата у окна автобуса. Он что-то говорил про мастерскую. Она ответила «конечно» и сразу включила связь с Авой.

— Я думала, ты о следующей неделе.

— Ты не слушала.

Пончик тихо пискнул. Прозрачная пластинка на его спине, подарок Нэй, начала синеть. Значит, двигатель остывал. Дрон давно ждал разрешения сесть.

Светлячок подставил ему верхнюю площадку корпуса.

— Я могу рассказать о своей части экспедиции, — предложил он. — Вопросы о ваших переживаниях придётся пропускать.

— Они всё равно спросят, что ты чувствовал, — сказала Лера.

— Тогда у меня будет такой же вечер, как у вас.

Миша засмеялся, но спускаться не стал.

За стеклом появилась мама. Она не помахала, а приложила ладонь к двери и посмотрела на Леру. После Авроры они договорились: такой жест означает, что разговор нужен сейчас.

Лера сразу забыла обиду.

В коридоре пахло горячей пластмассой от нового стенда. На мамином планшете дрожал серый прямоугольник. Изображение было остановлено на лице человека, снятого снизу, при слабом свете. За его плечом виднелась круглая переборка.

У человека был Мишин рот.

Не похожий — именно Мишин: чуть приподнятый слева уголок, привычка прикусывать нижнюю губу перед словами, которые трудно произнести. Только щеки были впалыми, волосы короткими и седыми у виска. Через левую бровь проходил белый шрам.

— Это пришло двенадцать минут назад, — сказала мама.
— Не на домашний приёмник. Через вторую карту.

Лера знала, какую карту она имеет в виду.

Год назад неизвестный собеседник прислал Земле три возможных направления контакта. Мир у голубой двойной звезды откликался редкими геометрическими рисунками. На вопрос без координат отвечали философы, математики и одна пенсионерка из Казани, чьи письма неизвестному по-

чему-то нравились больше всего. А станция между галактиками молчала.

Теперь молчание закончилось.

Мама включила запись.

Человек на экране кашлянул. За переборкой что-то ударило трижды, с медленным тяжёлым звоном.

— Если пакет дошёл до Земли, не отправляйте «Ласточку» к Маяку. Повторяю: не отправляйте...

Он посмотрел вправо. На щеке появилась полоса белого света.

— Нет. Стойте. Первую фразу вырежьте. Она уже...

Помеха съела конец предложения. Человек схватил камеру, и изображение накренилось. В углу появилась его рука. На мизинце не хватало последней фаланги.

— Лера, если ты это смотришь, оставь Светлячка дома. Что бы он ни говорил. Даже если помнит море.

Лера перестала дышать.

Взрослый Миша — она уже называла его так, хотя не имела права — наклонился к объективу.

— И не ищи меня первым.

Запись закончилась.

В соседнем зале захлопали. Кто-то проверял микрофон и говорил: «Раз, раз, наши гости уже подходят».

— Мише показали? — спросила Лера.

— Ещё нет.

— Почему?

— Потому что двенадцать минут назад я тоже увидела лицо собственного сына.

Мама произнесла это спокойно. Только теперь Лера заметила, как крепко та держит планшет: ногти побелели.

Из оранжереи донёлся плеск. Миша победил распределитель. Облако двинулось над папоротниками, оставляя за собой настоящий маленький дождь.

Он вышел, вытирая руки о штаны.

— Что случилось?

Мама повернула к нему экран.

Они посмотрели запись ещё раз, все вместе. Светлячок стоял немного позади. На слове «море» его фары погасли и сразу зажглись снова.

Миша первым нарушил тишину:

— Почему вы решили, что это я?

— Мы не решили, — сказала мама.

— У вас такие лица.

Он забрал планшет и вернул кадр с рукой.

— Я правой камеру держу. Он левой.

— Можно повредить правую, — сказала Лера и тут же пожалела.

Миша посмотрел на неё так, словно она уже успела эту руку повредить.

— А можно быть другим человеком.

Он увеличил изображение. В углу, возле переборки, висел оранжевый предмет с двумя чёрными пятнами.

— Пончик?

Дрон на Светлячке поднял объектив.

Предмет был слишком размыт. Дырка в обшивке, коробка с инструментами, чужая игрушка — что угодно. Лера заставила себя отвести взгляд от лица и посмотреть на остальной кадр. На стене виднелись полосы скотча. На каждой было написано число.

Шестьсот двенадцать. Шестьсот тринадцать. Шестьсот четырнадцать.

Возле последней полосы стояло другое слово.

ДОМОЙ.

— Что такое «Ласточка»? — спросила она.

Мама провела пальцем по экрану. Вместо лица появилась схема корабля: длинная центральная ферма, жилой цилиндр на одном конце и широкое кольцо на другом. Схема выглядела незаконченной. Часть отсеков была нарисована пунктиром.

— Проект спасательного судна. Его утвердили вчера. Название сегодня утром выбрали сотрудники верфи.

— Оно могло утечь в сеть.

— Да.

— Голос можно собрать. Лицо тоже. Мы видели такое на Авроре.

— Да, Лера.

Она ненавидела этот ровный ответ. Хотела, чтобы мама спорила, нашла слабое место, сказала, что всё не так. Но та

просто ждала, пока дочь договорит очевидное.

Светлячок подкатился ближе.

— Передача содержала только изображение?

Мама покачала головой.

— Ещё предмет.

Из кармана она достала прозрачный контейнер. Внутри лежала шайба, меньше монеты, с неровным краем. Через середину проходила трещина. На поверхности сохранились три буквы, процарапанные от руки.

МИШ.

Миша сунул пальцы за ворот футболки.

Лера знала, что он достанет. После возвращения Светлячок отдал ему старое стопорное кольцо из собственного колеса. Миша протянул сквозь него шнурок и носил на шее, хотя уверял, что это просто удобный способ не терять хорошую шайбу.

Он положил свою рядом с контейнером.

На ней тоже было написано «МИШ».

Букву А он не закончил: резец соскользнул, оставив возле края короткую дугу.

Такая же дуга была на присланной шайбе.

— Сфотографировали и сделали копию, — сказал Миша.

Никто не возразил.

Светлячок навёл на контейнер узкий луч. На секунду металл стал красным.

— Внутренние включения совпадают с записью моего ре-

монта. И с кольцом у Миши. Для изготовления такой копии недостаточно фотографии.

— Но можно?

— Я не знаю способа.

Миша убрал свою шайбу под футболку. Лера увидела на его шее светлый след от шнурка и вдруг вспомнила: завтра ему в школу. Обычная пятница, геометрия, неудобные стулья. Два часа назад это казалось самым скучным устройством мира. Теперь она готова была защищать эту пятницу от любого Маяка.

За дверью снова захлопали. Ведущий сообщил, что встреча откладывается по техническим причинам. Дождь в оранжерее продолжал идти.

— Есть ещё одна деталь, — сказала мама. — Шайбу исследовали до того, как открыли видео. По состоянию металла она старше вашей примерно на двадцать лет.

Миша сел прямо на пол.

Он не плакал и не задавал вопросов. Просто сел, прислонившись спиной к стене, и обнял колени. Лера опустилась рядом. Между ними осталась щель, в которую Светлячок осторожно поставил свой передний захват.

— Я не помню море, — сказал робот.

Лера посмотрела на него.

— Ты уверен?

Фары Светлячка отражались в стекле оранжереи. За стеклом десятки мокрых листьев ловили свет.

— До сегодняшнего дня был уверен.

В его голосе не было помех. От этого слова прозвучали страшнее.

Пончик поднялся с площадки и перелетел Мише на колени. Мальчик машинально придержал его, чтобы винт не задел шнурок.

На мамин планшет пришло новое сообщение.

Не голос. Не лицо. Всего одна строка от команды приёмной станции:

«Контейнер был мокрым изнутри. Вода солёная».

Глава 2. Вода без берега

В лаборатории было жарко, хотя за окном уже синел сентябрьский вечер. Вентиляция гудела с такой силой, что бумажный стаканчик медленно полз по столу. Миша поставил на него гаечный ключ.

— Теперь не убежит, — сказал он.

Никто не улыбнулся.

С образцом воды работала Нора. После Авроры она привезла на Землю привычку пометать приборы кусочками ткани: красный означал, что калибровка закончена, зелёный — что прибор ещё надо проверить. Сначала коллеги смеялись. После первого общего сбоя сети перестали.

Сейчас перед ней стояли три пробирки с красными ленточками.

— Обычная вода, — сказала Нора. — Необычная соль.

Она вывела на стену два графика. Лера видела такие на уроках: состав морской воды и соотношение изотопов кислорода. На Земле лёгкие и тяжёлые разновидности атомов распределялись не случайно. Лёд, дождь и океан оставляли в молекулах собственные подписи.

— Моря Авроры здесь нет, — продолжила Нора. — Там другие пропорции. Земного тоже. Но назвать планету по трём каплям я не смогу.

— А по четырём? — спросил Миша.

Нора посмотрела на него, потом протянула пустую пробирку.

— Если у тебя есть четвёртая, начнём.

Он осторожно вернул пробирку в штатив.

Лера была благодарна Норе за этот разговор. Все остальные обращались с Мишей так, словно он сделался стеклянным. Даже капитан Рен, вошедший через минуту, сначала остановился в дверях. Будто проверял, можно ли приближаться.

Рен постарел меньше, чем выглядел на торжественных фотографиях. Вживую у него были обычные уставшие глаза и смешные следы от защитных очков на переносице. Он только что вернулся с верфи.

— «Ласточка» никуда не летит, — сказал он вместо приветствия. — У неё пока нет двигателя, двух переборок и половины денег.

Мама впервые за вечер выдохнула.

— А «Горизонт»?

— Летает. Но никакого старта сегодня не будет.

— Сегодня, — повторила Лера.

— Я говорю о том, что знаю.

Он положил на стол собственный планшет. На экране вращалось кольцо приёмной установки.

Станция между галактиками не находилась в той стороне, куда указывала карта. Это выяснили ещё зимой. Координаты описывали не положение в обычном пространстве, а способ

соединить два кольца. Как адрес квартиры, написанный для дома, в котором этажи можно переставлять.

Земля построила небольшой приёмник за лунной орбитой. Он умел пропускать свет и предметы массой до двух граммов. Год через него шёл только слабый фон. Затем пришли запись, шайба и несколько капель воды.

— Пакет не проходил целиком, — сказал Рен. — Видео пришло в один момент. Шайба появилась спустя девять секунд. Вода — ещё через четыре.

— Контейнер? — спросила Лера.

— Наш. Уловитель закрылся автоматически.

Она почувствовала нелепое облегчение. Значит, та неизвестная рука не укладывала шайбу в маленькую прозрачную коробочку. Хотя бы эта коробочка принадлежала их времени.

Рен увеличил запись приёмника. В пустом кольце возникла чёрная точка. Из неё вылетела шайба, ударилась о стенку уловителя и завертелась. Несколько мгновений спустя на металле проступила влага.

— Мы считаем, что второй конец погружён в воду, — сказал капитан. — Но перепад давления отсутствует. Если открыть окно в океан, даже крошечное, вода не станет выбирать, сколько капель отправить.

— Значит, её дозировали, — сказала мама.

— Или передавали по другой причине.

Светлячок стоял у стены, повернувшись к экрану. Лера

заметила, что он уже несколько минут не двигается. Даже объектив не подстраивался под освещение.

— Светлячок?

— Я слушаю.

— Что ты вспомнил?

Робот повернулся к ней слишком резко. Его левое колесо скрипнуло.

— Это не похоже на восстановленную запись.

— Расскажи как есть.

Несколько секунд слышалась только вентиляция.

— Свет снизу. Красные ступени. Человек в воде. Я удерживаю его одежду, но захват скользит. Я не могу определить, держу его или должен отпустить.

Миша перестал крутить ключ.

— Этот человек — я?

— Лица нет.

— Есть рука?

— Нет.

— Тогда пока не я.

Он произнёс это почти сердито. Лера поняла: сейчас сердиться ему легче.

Нора подошла к Светлячку и села перед ним на корточки.

— У образа есть дата?

— Нет.

— Связанные файлы? Адрес источника?

— Только ощущение нагрузки на привод. Семьдесят два

ньютонa.

Нора медленно подняла голову.

— Ты можешь показать запись датчика?

На стене появился третий график. Он был коротким: де-
вять секунд. Нагрузка росла, дрожала, резко падала. Лера ви-
дела не человека и не воду, а кривую усилия. Но от этой кри-
вой ей захотелось схватить брата за руку.

— Такой привод тебе установили в марте, — сказал Ми-
ша.

— Да.

— Значит, до марта этого быть не могло.

Рен наклонился к экрану.

— А после марта робот бывал в солёной воде?

— Только на мойке, — сказал Миша. — Один раз. Они
перепутали раствор, и я сам промывал подшипники.

— Случай мог сохраниться и исказиться, — заметила ма-
ма.

— Мог, — согласилась Нора.

Лера чувствовала, как вокруг них выстраивается спаси-
тельная лестница из разумных объяснений. Копия метал-
ла. Смонтированное видео. Ошибка памяти. Каждая ступень
держала по отдельности. Вместе они почему-то вели в воз-
дух.

Она попросила снова включить звук.

Человек кашлянул. За стеной прозвучали три удара.

Лера остановила запись.

— Не речь. Фон.

Рен отделил голос от низких частот. Получилось неровное гудение и тот самый звон: первый удар ниже второго, третий совсем глухой.

Пончик оторвался от стола.

Миша поднял ладонь, но дрон не сел. Он завис перед экраном и ответил тремя пискками.

— Это его сигнал? — спросила Нора.

— Нет. Мой, — сказал Миша. — Когда я учил его искать меня без сети. Три звука на разных частотах. Он должен запомнить порядок, а не сам голос.

Пончик снова пискнул.

На экране его маленького передатчика появилась стрелка. Она указывала вниз.

Лера опустила глаза на пол. Под лабораторией находились склад, пустой лекционный зал и бетонный фундамент. Под фундаментом — обычная московская земля.

Миша отключил Пончику связь. Стрелка осталась.

Он выключил микрофоны. Она не исчезла.

Только после полного отключения питания дрон обмяк у него в руках.

— Это не направление, — сказал он спустя минуту. — Он так показывает потерянную цель. Вернуться туда, где слышал её в последний раз. На базу.

— Его база здесь?

Миша покачал головой.

— Дома. У окна.

Светлячок приблизился к столу.

— Покажи координаты, которые он сохранил.

Миша подключил дрон к отдельному считывателю. На экране возникли числа. Широта, долгота, высота. Последняя менялась, пока программа не решила, что получила повреждённые данные.

Рен прочитал широту дважды.

— Это не Земля.

— Пончик не умеет в другие планеты, — возразил Миша.

— Вот именно.

Координаты оказались отрицательным расстоянием до центра земного навигационного поля. Числом, которого в нормальной системе не существовало. Но после него стояла обычная дата.

Через девятнадцать лет, три месяца и шесть дней.

На минуту Миша стал совсем похож на человека из записи: не лицом, а неподвижностью.

Потом встал.

— Мне нужно домой.

Мама сразу убрала планшет в сумку.

— Поехали.

Лера хотела возразить. Остались вопросы, неизвестный адрес, девять секунд чужого воспоминания. Она уже открыла рот, когда Миша посмотрел на неё.

Не просительно. Устало.

Она взяла куртку.

Дом встретил их запахом хлеба из соседней квартиры. На лестничной площадке кто-то оставил самокат. Из-за стены доносился смех — совершенно обычный, вызывающе неуместный. Лере хотелось постучать и попросить говорить тише, хотя соседи ничего не могли знать.

Миша отнёс Пончика к окну. Лера ожидала, что он немедленно начнёт разбирать дрон, но брат только поставил его на зарядку.

Потом достал из ящика маленький камень, красноватый, с белой жилкой.

— Откуда это? — спросила она.

— С Волги. Ты подарила.

Лера не помнила.

— Мне было шесть, — сказал Миша. — Я сказал, что это марсианский метеорит. Ты согласилась. А потом папа объяснил про кварц, и ты три дня на него злилась.

Он положил камень перед объективом Пончика.

— Если ты потерял базу, вот. Она тут.

Дрон включился. Пластинка Авроры засветилась слабым зелёным светом от зарядного устройства. На крошечном экране появилась знакомая схема комнаты.

Миша облегчённо сел на кровать.

Светлячок остался в коридоре. Лера остановилась рядом с ним.

— Ты ведь что-то ещё не сказал.

— Да.

Она подождала.

— В образе есть звук. Я не воспроизвёл его в лаборатории, потому что он появился только дома.

— Что за звук?

Светлячок включил динамик.

Кто-то тихо смеялся. Потом женский голос произнёс:

— Ну вот. Теперь ты знаешь, где берег.

Лера узнала голос не сразу.

Он был ниже, чем у неё. Медленнее. Так она, наверное, могла бы говорить после долгого дня, если бы этот день продолжался очень много лет.

Из комнаты Миши донеслось сонное:

— Вы там выключите свет?

Лера погасила лампу.

В темноте Светлячок спросил:

— Если это будущее, почему я скучаю по нему сейчас?

Глава 3. Корабль, которого нет

Утром мама сварила слишком много каши.

Это случалось с ней только в двух случаях: когда домой приезжали гости и когда она старалась не думать о чём-то важном. Гостей не было. Кастрюля стояла посреди стола, и никто не решался сказать, что четверо человек столько не съедят. Светлячок кашу не ел.

Миша положил в свою тарелку варенье.

— Я всё равно пойду в школу.

— Хорошо, — сказала мама.

Он явно готовился к спору и теперь не знал, что делать.

— Без сопровождения.

— До остановки вместе. Мне в ту же сторону.

— Правда в ту же?

Мама поставила ложку.

— Нет. Мне хочется пройти с тобой до остановки.

Миша подумал и кивнул.

Лера получила сообщение от Эл. Та предлагала встречу на лунной верфи в одиннадцать. Под текстом стояла приписка: «Мне показали запись с вашего разрешения. Я не делала модель его взросления. Не проси меня об этом».

Лера удалила уже наполовину набранный вопрос.

К одиннадцати она и Светлячок добрались до транспортного центра. Мама присоединилась к ним у шлюза. Полёт на

Луну по старому маршруту занимал слишком долго; после Авроры построили короткий постоянный коридор, проходивший между двумя стационарными кольцами. Он не позволял выбирать выход и работал только несколько часов в сутки. За это его любили диспетчеры.

Лера помнила первый переход: страх, сломанные часы, чужая звезда за стеклом. Теперь на стойке перед кольцом продавали кофе, а автомат просил пассажиров не оставлять багаж в проходе.

Светлячок остановился перед жёлтой линией.

— Что такое? — спросила Лера.

— Нагрузка на правый захват. Два ньютона.

Захват висел свободно.

Лера позвала техника. Тот отключил датчик, подключил внешний измеритель и развёл руками: механической нагрузки не было. Светлячок ощущал усилие, которого не испытывал.

— Можем остаться, — сказала мама.

— После отхода от кольца значение не изменилось, — ответил робот. — Вероятно, причина не здесь.

Лера заметила, что он так и не сказал «я хочу лететь».

В лунном доке «Ласточка» действительно больше напоминала обещание, чем корабль. Через отсутствующий борт можно было увидеть противоположную стену ангара. Жилой цилиндр держался на временных растяжках. На его обшивке работник мелом нарисовал птицу с нелепо длинным хво-

стом.

Никаких тайных готовых экспедиций. Никаких двигателей, включавшихся за спиной Совета. Просто незаконченная машина и люди, которым предстояло много трудиться.

Лера почувствовала себя глупо и одновременно немного спокойнее.

Эл ждала возле макета. Для работы на верфи она пользовалась небольшим колёсным телом с двумя манипуляторами и экраном вместо лица. Экран показывал абстрактное жёлтое пятно. От человеческого облика Эл отказалась несколько месяцев назад, сказав, что ей надоело каждый день объяснять разницу между собой и Лерой.

— Красиво, — сказала Лера, кивнув на пятно.

— Это предупреждение о разряженном аккумуляторе.

— А.

— Но мне тоже нравится.

Они постояли рядом. Когда-то Лера боялась разговаривать с Эл: та помнила её мысли слишком хорошо. Теперь неловкость была другой. Эл переживала дни, о которых Лера ничего не знала, знакомилась с людьми, читала непонятные ей статьи. Они отдалялись, и это одновременно огорчало и освобождало.

— Я проверила запись, — сказала Эл. — У неё есть монтажный шов. После слов «она уже».

Мама выпрямилась.

— Подделка?

— Два разных куска видео. Между ними не меньше сорока минут. По движению жидкости в прозрачной трубке на стене. Освещение менялось медленно, положение пузырька — резко.

— Он мог сам остановить камеру, — сказала Лера.

— Мог. Или кто-то собрал пакет после него. Главное: фразы не обязательно относятся к одному событию.

Эл вывела на макет два кадра. На первом у человека за спиной горел зелёный индикатор. На втором он был выключен. Лера раньше смотрела только на лицо.

— И ещё, — сказала Эл. — Я знаю, где снята запись.

Они пошли сквозь ангар. Лунная тяжесть делала шаги длинными и неловкими. Светлячок снизил скорость: на наклонных поверхностях его новые колёса всё ещё буксовали.

Внутри жилого цилиндра пахло герметиком. На полу лежали бухты кабеля. Переборки были белыми, без царапин и цифр.

Эл остановилась у круглого проёма.

— Здесь.

Лера посмотрела на дверь, потом на запись.

Совпало всё: положение ребра под потолком, ниша для аварийного баллона, небольшой выступ возле пола. Даже отверстие под трубку находилось там, где в видео двигался пузырёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.